

Eyforis Lurt

Детские Истории

<https://litres.ru/74362652>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этой книге собраны трогательные и мудрые сказки о самом важном чувстве на свете — о настоящей дружбе. Озорник Нильс, превращенный в крошку, отправляется в опасное путешествие с дикими гусями и узнаёт цену благородству. Могучий Лев и робкий Лисёнок доказывают, что сила — не в когтях, а в заботе. Полярная Гусыня и нелетающий Киви преодолевают расстояния и различия, чтобы остаться вместе. Божья Коровка и Шмель выбираются из тёмного леса, потому что верят друг в друга. Медвежонок Коди и его друзья плывут по реке на каноэ, участь взаимовыручке в каждом повороте. А мальчик Дэвид, потерявший свои волшебные цветы, обретает себя благодаря поддержке лучшего друга.

Эти добрые истории учат детей тому, что настоящая дружба не боится ни бурь, ни расстояний, ни различий. Она согревает в холод, освещает путь во тьме и делает даже самого маленького героя великим. Идеально для семейного чтения и душевных разговоров о том, что действительно важно в жизни. Вместе мы — сила!

Содержание

Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями	4
Медведь и Птичка	22
Любопытная дружба: Лев и Лис	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Eyforis Lurt

Детские Истории

Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями

Часть первая. Лесной гном

В маленькой шведской деревушке Вестменхег жил когда-то мальчик по имени Нильс Хольгерссон. С виду — мальчик как мальчик, двенадцати лет от роду, светловолосый, веснушчатый. Но сладу с ним не было никакого. На уроках он считал ворон и ловил двойки, в лесу разорял птичьи гнёзда, гусей во дворе дразнил, кур гонял, в коров бросал камни, а кота дергал за хвост, будто хвост — это веревка от дверного колокольчика. Он не любил ни отца, ни мать, ни товарищей, ни учителей. Всё, что бы они ему ни предлагали, будь то игра или работа, казалось ему скучотищей.

Так прожил он до того самого воскресенья, когда отец с матерью собрались на ярмарку в соседнее село. Нильс не мог дожидаться, когда они уйдут. «Шли бы скорее! — думал он, поглядывая на отцовское ружье, что висело на стене. — Мальчишки, как увидят меня с ружьём, от зависти лопнут».

Но отец будто отгадал его мысли.

— Смотри, из дому ни на шаг! — сказал он. — Открывай учебник и берись за ум. Слышишь?

— Слышу, — ответил Нильс, а про себя подумал: «Так я и буду тратить воскресный день на уроки!»

— Учись, сынок, учись, — сказала мать и сама достала с полки учебник, положила на стол и придвинула кресло.

А отец отсчитал десять страниц и строго-настрого приказал:

— Чтобы к нашему возвращению всё назубок знал. Сам проверю.

Наконец отец с матерью ушли. Нильс тяжело вздохнул. «Им-то хорошо, вон как весело шагают! — подумал он. — А я точно в мышеловку попался с этими уроками!» Но что поделаешь — с отцом шутки плохи. Он опять вздохнул и уселся за стол.

Правда, смотрел он не столько в книгу, сколько в окно. Ведь это было куда интереснее. По календарю был ещё март, но здесь, на юге Швеции, весна уже успела переспорить зиму. В канавах весело бежала вода. На деревьях набухли почки. Берёзовый лес расправлял свои ветки, окоченевшие в зимнем холоде, и теперь тянулся кверху, будто хотел достать до голубого весеннего неба. А под самым окном с важным видом разгуливали куры, прыгали и дрались воробьи, в мутных лужах плескались гуси. Даже коровы, запертые в хлеву, почуяли весну и мычали на все голоса.

Нильсу тоже хотелось петь и кричать, и дразнить гусей, и

швырять камни в кур. Но он с тоской смотрел на учебник.

И тут случилось необыкновенное происшествие.

В комнате вдруг что-то зашуршало. Нильс поднял голову. На сундуке у окна сидел лесной гном — крошечный старичок в сером балахоне и красном колпачке. Он рассматривал себя в зеркальце и приглаживал длинную седую бороду.

Нильс замер от изумления. Гномы! Он слышал о них, но никогда не думал, что они существуют на самом деле. И тут ему в голову пришла озорная мысль. «Вот бы поймать его! — подумал мальчик. — Посадить в клетку и показывать всем соседским ребятишкам!»

Он схватил старую мухобойку, что висела на стене, и, крадучись, подошёл к сундуку. Гном, поглощённый своим занятием, ничего не заметил. Нильс размахнулся и — хлоп! — накрыл гнома мухобойкой.

Но вместо того чтобы испугаться, гном вдруг приподнял мухобойку, посмотрел на Нильса и... и мальчик почувствовал, что земля уходит у него из-под ног. Комната завертелась. Стены поплыли. Он стал уменьшаться, сжиматься, превращаться в крошечное создание, едва достигающее высоты в палец.

Когда всё успокоилось, Нильс с ужасом увидел, что он стоит на полу, а сундук возвышается перед ним, как огромная гора. Мухобойка, которую он держал в руках, теперь казалась ему тяжёлым бревном. Он бросился к зеркалу и не узнал себя: оттуда смотрел маленький, испуганный челове-

чек в огромной одежде, которая свисала с него, как с вешалки.

Гном исчез. Нильс остался один — в собственном доме, но совершенно беспомощный и крошечный.

Часть вторая. Побег с домашним гусём

Отчаяние охватило мальчика. Он выбежал во двор, надеясь найти гнома и умолить его снять заклятие. Но гнома нигде не было. Зато во дворе было полно кур и гусей, которые теперь казались ему великанами. И все они, увидев его, загалдели, закудахтали, зашипели:

— Смотрите-ка! Это же Нильс! Тот самый, что дразнил нас и бросал в нас камни! Теперь мы с ним расквитаемся!

Куры налетели на него, заклевали, гуси вытянули шеи и зашипели. Нильс едва успел вскочить на крыльцо и спрятаться за дверь. Он понял, что отныне его жизнь не будет прежней. Все, кого он обижал, теперь видели в нём легкую добычу.

Но тут случилось событие, которое изменило всё. Над двором пронеслась стая диких гусей. Они летели высоко в небе и гоготали, зовя домашних птиц в Лапландию, туда, где нет зимы, где озёра полны рыбы, а болота — ягод. И среди домашних гусей нашёлся один, кто отважился ответить на зов. Это был молодой белый гусь по имени Мортен.

— Я полечу с вами! — крикнул он диким собратьям. — Я тоже хочу увидеть свет!

Он расправил крылья и взлетел. И в тот же миг Нильс,

повинуясь внезапному порыву, бросился вперёд и вцепился ему в шею.

— Не улетай! — закричал он. — Ты не можешь улететь! Если ты улетишь, я останусь здесь, и меня заклюют куры!

Но Мортен его не слушал. Он взмыл в небо, унося на себе маленького человечка. Так началось удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями.

Впервые мальчик увидел свою родину с высоты птичьего полёта. Поля и леса, реки и озёра, деревни и города проплывали под ними, как на карте. Ветер свистел в ушах, и Нильс, вцепившись в гусиную шею, крепко зажмурился.

Часть третья. В стае диких гусей

Когда Мортен догнал дикую стаю, их предводительница — старая мудрая гусыня по имени Акка Кебнекайсе — су-рово оглядела незваного гостя.

— Кто ты и откуда? — спросила она, и в голосе её слышался холодный ветер горных вершин.

— Я Мортен, домашний гусь, — ответил тот, тяжело дыша от усталости. — Я хочу лететь с вами в Лапландию.

— Домашние гуси не умеют летать так далеко, — сказала Акка. — Ты устанешь и упадёшь в море.

— Я не устану! — упрямо ответил Мортен. — Я докажу, что могу!

И тут Акка заметила на его спине крошечного человечка.

— А это кто с тобой? — спросила она с подозрением.

— Это... это мой друг, — сказал Мортен, который и сам не

знал, как объяснить появление Нильса. — Его зовут Нильс. Он поможет нам в пути.

Нильс, дрожа от страха, поклонился. Акка, старая и мудрая, сразу поняла, что перед ней не обычный мальчик. Но в её сердце жила любовь ко всем живым существам, даже к тем, кто был слаб и беспомощен. Она решила дать ему шанс.

— Хорошо, — сказала она. — Ты можешь лететь с нами. Но помни: ты должен быть полезным. Если ты будешь лениться или причинять кому-то вред, я выгоню тебя из стаи. А в дикой природе, без стаи, ты погибнешь.

Нильс кивнул. Он знал, что это правда.

Так началась его новая жизнь. Днём стая летела на север, останавливаясь на отдых у озёр и болот. Ночью гуси спали, и Нильс по очереди сторожил их сон. Мортен, который быстро подружился с мальчиком, учил его находить съедобные ягоды и грибы, прятаться от хищников и чувствовать приближение грозы.

Первое время Нильс был беспомощен, как новорождённый птенец. Он не умел ни добывать пищу, ни защищаться. Но постепенно он учился. Ему пришлось стать маленьким и ловким, чтобы выжить.

Однажды, когда стая приземлилась у лесного озера, Нильс увидел на берегу лису. Это был старый и хитрый лис по имени Смирре. Он крался к стае, надеясь схватить неосторожную птицу. Нильс, увидев опасность, закричал, предупреждая гусей. Но Смирре, разозлённый тем, что маленький че-

ловечек испортил ему охоту, схватил его и унёс в лес.

— Отпусти меня! — кричал Нильс, извиваясь в зубах у лиса.

— Ещё чего! — прорычал Смирре. — Я съем тебя в наказание за то, что ты испортил мне обед.

Но тут Мортен, заметив, что Нильс пропал, взлетел и ринулся в погоню. Он стал кружить над лисом, бить его крыльями и кричать так громко, что на шум сбежались другие гуси. Вся стая окружила Смирре, и он, испугавшись, выпустил Нильса из зубов и убежал.

— Ты спас мне жизнь! — сказал Нильс Мортену, обнимая гусиную шею.

— А ты спас бы мне, — ответил Мортен. — Мы же друзья, правда?

Нильс задумался. Друзья? Он никогда не думал об этом раньше. Ему казалось, что все вокруг — либо враги, либо просто неинтересные люди и звери. Но теперь, глядя на Мортена и на других гусей, которые собрались вокруг него, он понял, что впервые в жизни у него есть те, кому он небезразличен. И от этой мысли в груди стало тепло и радостно, как от весеннего солнца. И именно в этот миг, когда стая защитила его, Нильс понял, что значит быть частью чего-то большего, чем он сам. Он почувствовал незнакомую ранее преданность и готовность ответить на заботу. С этого дня он перестал быть чужим в стае.

Часть четвёртая. Первый подвиг

Стая летела дальше. Нильс постепенно привыкал к новой жизни. Он научился ловить рыбу в ручьях, находить сладкий корень и даже разжигать огонь с помощью двух кремней.

Но самое важное произошло в одну из ночей. Гуси устроились на ночлег в старом замке Глиммингекус, который стоял на скале посреди озера. Акка выбрала это место, потому что здесь было безопасно — со всех сторон вода, и ни один хищник не мог подобраться незамеченным.

Ночью Нильс проснулся от странного звука. Он открыл глаза и увидел, что по мосту, соединяющему замок с берегом, крадётся Смирре. Хитрый лис не оставил попыток добраться до стаи. Он шёл по узкой каменной кладке, стараясь не шуметь.

Нильс понял, что должен действовать. Он вскочил и побежал к мосту, размахивая палкой, которую всегда носил с собой для защиты.

— Смирре! — закричал он. — Убирайся отсюда!

Лис оскалился и прыгнул, пытаясь схватить человека. Нильс увернулся, бросился вперёд и изо всех сил ударил лиса палкой по носу. Смирре заскулил, но не ушёл. Вместо этого он напал снова, и Нильс едва успел отскочить. Они сражались на узком мосту, и каждый раз, когда лис приближался к гусям, Нильс вставал на его пути, не давая ему пройти.

Гуси проснулись и с криком поднялись в воздух. Акка приказала всем подняться выше, но Нильс, увидев, что лис вот-вот схватит одного из птенцов, бросился ему прямо в

пасть и укусил за язык. Смирре взвыл от боли и отпрянул. В этот момент гуси всей стаей налетели на него, забили крыльями и отогнали прочь. Смирре, поняв, что побеждён, с позором убежал в лес.

Стая снова была спасена, и все знали, кому они обязаны этим.

— Молодец, Нильс! — сказала Акка. — Ты проявил храбрость и смекалку. Ты спас нас от лиса.

Впервые в жизни Нильс услышал слова похвалы, от которых ему не хотелось прятаться или отмахиваться. Он почувствовал гордость. Не за то, что он хитрее и сильнее других, как раньше, а за то, что он смог защитить тех, кто ему доверял. В этот миг он понял, что быть полезным и нужным — это совсем другое удовольствие, чем насмехаться над слабыми.

Часть пятая. Пляска на горе Куллаберг

Весна набирала силу, и стая приближалась к легендарной горе Куллаберг, где каждый год собирались птицы и звери, чтобы устроить Великие Журавлиные Пляски. На этот праздник съезжались все: и птицы, и звери, и даже сам старый орёл. Акка сказала, что Нильс должен увидеть это чудо.

В назначенный день стая приземлилась на склоне горы. Место было необыкновенным: вершина была ровной, как стол, и покрыта ковром из мха и вереска. Вокруг собрались сотни птиц: кулики, цапли, утки, чайки, куропатки. Они сидели вокруг площадки, ожидая начала.

И вот раздалась музыка — не та, что играют люди, а песня самой природы. Журавли начали свой танец. Это было завораживающее зрелище: они поднимались на воздух, кружились, плавно опускались, делали замысловатые пируэты. Их движения были совершенны и прекрасны, и Нильс смотрел, затаив дыхание.

— Никогда не видел ничего красивее, — прошептал он.

Но тут на празднике появился Смирре. Он решил, что раз его не пустили на гору как гостя, он проберётся тайком. Он крался вдоль кустов, пытаясь подобраться к стае. Но Нильс заметил его и поднял тревогу.

— Смирре здесь! — закричал он.

Все птицы и звери обернулись. Лиса схватила, вывели на середину площадки и объявили ему приговор: за то, что он пытался нарушить великий мир на горе Куллаберг, он будет изгнан из королевства зверей навсегда. Собаки погнали его прочь, и с тех пор Смирре стал изгоем, вечным скитальцем.

Нильс, глядя вслед удаляющемуся лису, почувствовал странное чувство. Смирре был его врагом, врагом всей стаи. Но в этот момент он почти пожалел его. Одиночество и изгнание — он сам знал, каково это. И эта мысль поселилась в его душе, незаметно меняя его сердце.

Часть шестая. Плен и освобождение

Однажды, когда стая летела над Смоландом, разразилась страшная буря. Ветер рвал крылья, ливень заливал глаза, и стая сбилась с пути. Они потеряли друг друга в тумане. А

когда буря утихла, Нильс и Мортен оказались одни, в незнакомой местности.

Это был старый заброшенный парк, заросший крапивой и диким виноградом. Посреди парка стоял полуразрушенный дом, и Нильс понял, что здесь когда-то жили люди, но теперь это место стало убежищем для сов и летучих мышей.

Внезапно Нильс заметил, что Мортен попал в ловушку — его нога застряла в старой проволочной петле, оставленной браконьерами. Гусь бился и кричал, но не мог освободиться. Нильс подбежал к нему, пытаясь разорвать проволоку, но она была слишком крепкой.

В этот момент в парк влетела стая галок. Они с громким карканьем окружили Мортена и насмехались над ним. Но Нильс, ставший маленьким и незаметным, подполз к ловушке и, укусив проволоку зубами, ослабил её. Мортен рванулся и вылетел на свободу.

Галки с криками налетели на Нильса, и он, спасаясь, залез в дупло старого дуба. Но внутри дупла оказался филин. Он хотел схватить Нильса, но Мортен, подлетев к дуплу, ударил филина крылом по голове, и тот отступил.

— Держись! — крикнул Мортен. — Я не дам тебя в обиду!

Они вдвоём отбились от филина и галок и снова взлетели. Нильс цеплялся за шею друга, а Мортен нёс его над лесами, пока они не нашли стаю.

Акка, увидев их, вздохнула с облегчением.

— Ты опять спас Мортена, — сказала она Нильсу. — И

Мортен спас тебя. Теперь я вижу, что вы настоящие друзья.

А в душе Нильса росло новое, доселе неведомое чувство. Он смотрел на гусей, которые приняли его как равного, и думал: «Отныне было бы ошибкой утверждать, что Нильс Хольгерссон никого не любит». Он полюбил Мортена как брата, Акку — как мудрую мать, всех гусей — как семью.

Часть седьмая. Старая крестьянка и голуби

Однажды стая пролетала над долиной, где стояла одинокая крестьянская усадьба. Гуси решили спуститься на озеро, чтобы отдохнуть и пополнить силы. Но Нильс заметил, что в усадьбе что-то не так. Вокруг было тихо, дым не шёл из трубы, а ворота были закрыты. Он подошёл ближе и увидел, что на скамейке у дома сидит старая женщина. Она смотрела куда-то вдаль, и слёзы текли по её морщинистым щекам.

Нильс остановился и спросил:

— Почему ты плачешь, бабушка?

Старушка вздрогнула, но, увидев крошечного человечка, не испугалась. Она рассказала ему свою историю. Когда-то у неё было много детей, они жили дружно и счастливо. Но дети выросли и уехали в Америку, искать лучшей жизни. И теперь она осталась одна в пустом доме. Письма от них приходили всё реже, и она боялась, что они забыли её, старую и ненужную.

— Я тоскую о них так сильно, — сказала старушка, и голос её дрогнул, — что не нахожу себе места. Как же можно жить вдали от матери?

Нильс слушал и молчал. Эти слова отозвались в его душе. Он вспомнил своих родителей, отца и мать, которые остались дома. Он никогда не думал о них. Раньше они казались ему просто скучными взрослыми, которые заставляют его учиться и мешают жить. Но теперь он понял: тоска и любовь, которые испытывает эта старушка к своим детям, — это те же чувства, что живут в сердце его матери. Когда он улетел, она, наверное, тоже плакала и думала о нём.

«Моя мать жива. Они оба живы — и отец, и мать!» — подумал он, и сердце его наполнилось надеждой и раскаянием. Он понял, что был плохим сыном, что своими шалостями причинял им боль. Но теперь он знал, что может стать лучше, что, вернувшись домой, он будет другим — любящим и заботливым.

Эта встреча изменила его больше, чем любое другое приключение.

Часть восьмая. Студент и бесценная рукопись

Прошло лето. Стая долетела до Лапландии, и там, среди бескрайних озёр и гор, гуси свили гнёзда. Нильс помогал им ухаживать за птенцами, учил их летать, защищал от хищников. Он стал опытным проводником и верным товарищем.

Но наступила осень. Гуси готовились к обратному пути на юг. И тут Акка рассказала Нильсу, как он может снова стать человеком.

— Гном, который превратил тебя, сказал, что заклятие исчезнет, если ты найдёшь того, кто добровольно согласится

занять твоё место, — сказала она. — Тогда ты сможешь вернуть свой рост и облик.

Нильс, услышав это, задумался. Он уже привык быть маленьким и не знал, хочет ли он возвращаться в прежний мир. Но он скучал по дому, по родителям, по человеческой жизни.

Однажды к ним прилетел старый ворон Фумле-Друмле и сказал, что знает одного человека, который согласен стать карликом. Это был молодой студент из Уппсалы — он попал в беду. Во время прогулки ветер развеял листы его бесценной рукописи, над которой он работал несколько лет. Без неё он не сможет сдать экзамены, и вся его жизнь пойдёт прахом. В отчаянии он воскликнул: «Какой ты счастливый, Нильс! Ах, если бы я мог стать таким, как ты! Если бы и меня унесли отсюда перелетные птицы!»

Это был шанс. Нильс мог стать человеком, просто согласившись на это. Но он не мог так поступить. Он сам знал, что такое страдать от чужой беды и что такое жертвовать собой. В нём больше не было того эгоизма, который заставлял его думать только о своём удовольствии. Теперь он понимал, что счастье не в том, чтобы получить что-то для себя, а в том, чтобы помочь другому.

— Нет, — сказал он ворону. — Я не могу отнять у человека его будущее. Я сам помогу ему. Попроси птиц найти все листы рукописи. Мы вернём их студенту, а заклинание пусть останется при мне.

И Нильс, маленький и незаметный, но сильный духом, отправился искать рукопись. Вместе с воронами и другими птицами он собирал страницы, разбросанные по лесу, и возвращал их студенту. Когда юноша снова собрал свою работу, он заплакал от радости. Он не знал, что Нильс мог бы занять его место, но Нильс не стал ему об этом говорить.

Он поступил благородно, и это благородство было той высшей нравственной вершиной, которой он достиг за своё путешествие. Он отказался от собственного счастья, чтобы сделать счастливым другого человека.

Часть девятая. Возвращение домой

Осень подходила к концу. Стая пересекала всю Швецию, направляясь на юг. Они летели над Сканскими полями, где когда-то началось путешествие. И вот, однажды, на закате, Акка сказала Нильсу:

— Внизу твой дом, Нильс. Мы прилетели в Вестменхег.

Сердце мальчика забилося. Он выглянул из-за гусяной шеи и увидел знакомый дом, сарай, луг, где он когда-то дразнил гусей. Всё было почти таким же, но таким родным и тёплым.

Стая приземлилась на крыше сарая. Нильс спрыгнул на землю и побежал к дому. Он хотел открыть дверь, но она была заперта. Тогда он поднялся на цыпочки и заглянул в окно.

В доме было пусто. На столе лежал учебник, тот самый, который он так и не выучил в то воскресенье. И вдруг он

увидел своих родителей. Они сидели за столом, и мать плакала, уткнувшись лицом в ладони. Отец, хмурый и осунувшийся, смотрел в окно.

— Он не вернётся, — сказала мать. — Прошло столько времени. Мы больше никогда не увидим нашего Нильса.

Нильс сжал кулаки. Он так хотел закричать: «Мама! Папа! Я здесь! Я вернулся!» Но он был слишком мал, чтобы они могли его услышать.

В этот момент он заметил, что в комнате стало светло. Он оглянулся и увидел Акку, которая стояла на пороге сарая и смотрела на него с мягкой улыбкой. Клюв старой гусыни блеснул в лучах заходящего солнца.

— Ты должен войти в дом, — сказала она. — Ты должен вернуться к людям. Но помни: ты уже не тот мальчик, который улетел с нами. Ты стал другим.

Нильс подошёл к двери. Она была чуть приоткрыта. Он толкнул её и вошёл внутрь. Родители подняли головы и замерли.

— Нильс? — прошептала мать, не веря своим глазам. — Нильс, это ты?

Но он уже не был крошечным человечком. Как только он переступил порог родного дома, заклятие гнома рассеялось. Он снова стал таким, каким был — высоким, веснушчатым мальчиком двенадцати лет.

— Мама! Папа! — закричал он и кинулся к ним. — Я вернулся! Я вас так люблю!

Мать обхватила его руками, прижала к груди и заплакала. Отец подошёл и крепко обнял их обоих.

— Мы так боялись, что ты пропал навсегда, — сказал он.

— Я был далеко, — ответил Нильс. — Я путешествовал. Но я всё время думал о вас. Простите меня, что я был таким негодным. Я больше никогда не буду вас огорчать.

Родители не понимали, что произошло, но они чувствовали — их сын изменился. В его глазах больше не было озорной и жестокой искры, а была доброта и понимание, которые они никогда не видели прежде.

Часть десятая. Прощание с дикими гусями

На следующее утро Нильс проснулся в своей кровати, огромной, как целый мир. Всё в комнате казалось ему непривычно большим. Он подошёл к окну и увидел, что на крыше сарая сидит вся стая. Гуси чистили перья и гоготали. Акка подняла голову и посмотрела прямо на него.

Нильс выбежал во двор. Гуси спустились к нему, окружили, и он обнял каждого по очереди — Мортена, Акку, молодых гусей, которые родились в Лапландии и которых он учил летать.

— Ты остаёшься здесь, — сказал Мортен. — Это твой дом.

— Да, — ответил Нильс, и голос его дрогнул. — Но я никогда не забуду вас. Вы дали мне больше, чем я могу сказать. Вы научили меня быть человеком.

— Ты и был человеком, — сказала Акка. — Просто ты

сам не знал об этом. Мы только помогли тебе вспомнить.

Гуси приготовились к взлёту. Мортен взмахнул крыльями, потом повернулся к Нильсу и что-то прошептал. И Нильс слышал его голос, понятный и тёплый:

— Прощай, мой друг. Если когда-нибудь захочешь снова лететь, ты знаешь, где нас искать.

И стая взмыла в небо. Нильс стоял во дворе и смотрел, как они тают в голубой дали. Гуси летели на юг, в тёплые страны, навстречу весне. А он оставался здесь, в своём доме, который теперь стал родным и желанным.

Он поднял руку и помахал им. Акка обернулась, и на мгновение ему показалось, что она улыбается.

— Спасибо, — прошептал он.

И в этот миг он понял, что путешествие, которое началось как наказание, стало самым большим подарком в его жизни. Он стал добрым, смелым и благородным, потому что познал любовь, дружбу и понимание. Он перестал быть озорником, который никого не любил, и стал человеком, который научился любить весь мир.

Стая скрылась за горизонтом. Нильс повернулся и пошёл в дом, где его ждали родители. Он знал, что жизнь продолжается, и что это — только начало.

Медведь и Птичка

Часть первая. Лесная опушка и большое одиночество

В одном далеком-далеком лесу, который на картах значился под названием «Тихий Бор», жил-был Медведь. Да не простой медведь, а самый большой, лохматый и, как ему самому казалось, самый неуклюжий медведь во всем лесном королевстве. Звали его Потапыч. Шерсть у него была густая, коричневая, с рыжеватым отливом на брюхе и больших, как плошки, ушах. Лапы его были тяжелы и сильны, а когти — остры и внушительны. Но, несмотря на свою силу, Потапыч был существом довольно грустным и одиноким.

Каждое утро он просыпался в своей просторной берлоге, вырытой под корнями старой-престарой сосны, зевал так, что с веток слетала роса, и выползал наружу. Лес вокруг шумел, переливался птичьими голосами, где-то вдалеке звенел ручей, а мимо пробегали то заяц, то лисица, то целое семейство ежей. Все они были заняты своими делами, все куда-то спешили и редко обращали внимание на большого и мрачного медведя.

Потапыч же старался никому не мешать. Он считал, что из-за своего роста и веса он только пугает всех, кто оказывается рядом. Если он проходил по тропинке, зайцы с писком разбегались в кусты, полагая, что медведь голоден. Белки, прыгая с ветки на ветку, замирали и прижимались к ство-

лам, стоило ему приблизиться. Даже старый филин, живший в дупле на краю опушки, и тот удивленно таращил свои круглые глаза и ухал ему вслед: «Ух-ух-ух, какой большой!»

Больше всего Медведь любил сидеть на своем любимом пригорке, который называл «смотровой площадкой», и смотреть, как над лесом встает солнце. Ему казалось, что в этом мире нет места для такого огромного и неповоротливого зверя, как он. Он часто вздыхал, перекатывая в лапах сосновые шишки, и думал о том, что, наверное, так и проведет свою жизнь в полном одиночестве, наблюдая за жизнью других со стороны.

Однако жизнь иногда преподносит самые удивительные сюрпризы именно тогда, когда их совсем не ждешь.

Часть вторая. Маленький крик в высокой траве

Однажды теплым весенним утром, когда солнце уже начало припекать макушки деревьев, Медведь, как обычно, брел по своей любимой тропе к обрыву, чтобы посмотреть на реку. Он шел медленно, переваливаясь с ноги на ногу, и наслаждался запахом пробуждающейся земли. И вдруг он услышал странный звук. Это был не привычный шум ветра, не треск веток под ногами, и не журчание воды. Это был тоненький, едва различимый писк. Казалось, кто-то очень маленький плачет где-то совсем рядом.

Медведь остановился, насторожил уши и прислушался. Писк повторился, и на этот раз Потапыч понял, что звук доносится из высокой травы у подножия старого дуба. Он осто-

рожно раздвинул тяжелые лапы и развел стебли травы в стороны.

В траве, запутавшись крылом в колючей ветке ежевики, лежала маленькая серая Птичка. Она была не крупнее медвежьей ладони, вся взъерошенная и перепуганная. Ее правое крыло было неестественно вывернуто, а глазки — две черные бусинки — смотрели на огромного медведя с ужасом и надеждой одновременно. Она пищала слабо и беспомощно, пытаясь освободить крыло, но каждое движение причиняло ей боль.

Медведь замер. Он не знал, что делать. Его огромное сердце сжалось от жалости, но он боялся сделать еще большее крошечному созданию. Он осторожно, стараясь не дышать, протянул свою огромную лапу. Пальцы у него были толстые, когти длинные, и, казалось, такой лапой можно раздавить не только ветку, но и целый куст.

— Тише, тише, маленькая, — заворчал Медведь самым нежным голосом, на который был способен, — не дергайся.

Птичка, услышав этот низкий, бархатистый голос, на мгновение затихла. Она поняла, что этот огромный зверь не собирается делать ей плохо. Медведь, затаив дыхание, кончиками когтей поддел колючую ветку и очень аккуратно разжал ее. Ветка пружинисто щелкнула, и крыло Птички освободилось. Но радость была недолгой. Крыло повисло безжизненной тряпочкой — Птичка не могла им пошевелить.

— Ой-ой-ой, — пропищала она. — Оно не слушается!

Потапыч нахмурился. Он знал, что в лесу живет старый мудрый Барсук, который разбирается в травах, но донести до него птичку — задача непростая. Вдруг Медведь вспомнил, что в его берлоге есть мягкий мох, который он собирал на зиму для постели. Мох был пушистым и целебным, и старый Барсук часто говорил, что такой мох хорошо снимает боль.

— Не бойся, — пробормотал Медведь. — Я отнесу тебя в свое жилище. Там сухо и тепло, и есть мягкий мох. А на днях я сбегаю к Барсуку, он знает, как лечить крылышки.

Птичка удивилась. Такой большой и страшный Медведь, а говорит о мхе, тепле и лечении. Она осторожно кивнула, понимая, что выбора у нее нет, и эта огромная коричневая гора — единственная ее надежда. Медведь, пыхтя и сопя от напряжения, попытался подхватить Птичку. Это оказалось нелегко. Птичка была настолько хрупкой, что он боялся задеть ее даже кончиком шерсти.

Наконец, после нескольких попыток, он устроил ее на своей широкой, как лопата, ладони и, стараясь идти как можно ровнее, чтобы не трясти раненую, направился к себе в берлогу.

Часть третья. Первые дни выздоровления

В берлоге Потапыча было сумрачно, но уютно. Пахло хвоей, сухой землей и прошлогодними ягодами. В самом дальнем углу лежала целая гора мягкого лесного мха. Медведь наломал веток и соорудил небольшую изгородь, чтобы Птичка не упала, а внутри этой изгороди устроил настоящую пе-

рину из мха.

— Вот здесь ты будешь жить, — торжественно объявил Медведь, пытаясь скопировать манеру старого Барсука, который всегда говорил важно и с чувством собственного достоинства. — Я буду приносить тебе ягоды. Малину любишь? Она сейчас в лесу уже поспевать начинает.

Птичка, немного придя в себя от испуга, пискнула:

— Я не ем ягоды. Я люблю червячков, жучков и семена подсолнуха. Но я очень благодарна вам, господин Медведь. Меня зовут Зиночка.

— А меня — Потапыч, — важно представился Медведь, чувствуя себя неловко от такого официального обращения. — Просто Потапыч.

Так началась их совместная жизнь. Медведь каждое утро отправлялся на поиски пищи для своей новой подруги. Он переворачивал камни, заглядывал под коряги, копался в сухой листве, чтобы найти жирных червячков или личинок. Поскольку у него не было тонкого клюва, чтобы доставать их из укромных щелей, он просто аккуратно поднимал палкой или лапой то, что находил, и складывал в маленькую берестяную коробочку, которую сам смастерил.

Птичка Зиночка, лежа на мху, наблюдала за этим с удивлением. Она никогда не видела, чтобы медведь так заботливо собирал червей. Ей казалось, что медведи только мед едят и рыбу ловят.

Потапыч, возвращаясь с добычей, садился рядом с коро-

бочкой и смотрел, как Птичка кушает.

— Как у тебя дела? — спрашивал он, склонив голову набок. — Крылышко болит?

— Болит, — жалобно отвечала Зиночка, — но уже не так сильно. Потапыч, у тебя очень мягкий мох. Спасибо тебе.

Однажды Медведь принес яблоко, упавшее с дикой яблони. Он разрезал его пополам и предложил Птичке. Зиночка сначала отказалась, но потом, увидев, как Медведь с наслаждением хрустит своей половиной, тоже попробовала мякоть. Ей понравилось.

Медведь стал замечать, что лечить и заботиться о ком-то гораздо приятнее, чем сидеть одному на пригорке. Теперь у него было дело, была цель, и это наполняло его сердце теплом. Он уже не чувствовал себя таким одиноким и неуклюжим. Рядом с маленькой Птичкой он чувствовал себя большим, сильным и нужным.

Часть четвертая. Визит к Барсуку

Когда крылышко Зиночки немного зажило, но летать она все еще не могла, Медведь решил выполнить свое обещание и найти старого Барсука. Барсук жил на другом конце леса, в глубокой норе на склоне оврага. Туда вела сложная тропа, и Потапыч часто плутал в этих местах.

Медведь усадил Зиночку на свою голову, прямо между ушами, потому что так ее не трясло, и отправился в путь.

— Держись крепче, — предупредил он, — я буду перебираться через ручей.

Он смело шагнул в воду, разбрызгивая во все стороны холодные капли. Зиночка взвизгнула от неожиданности и вцепилась коготками в медвежью шерсть, но не упала.

— Потапыч, ты промочил мне лапки! — засмеялась она.

— Прости, — засмутился Медведь, — я старался идти как можно осторожнее.

Они долго петляли между деревьями, пока наконец не наткнулись на старую березу с большим дуплом у корней. Оттуда доносился характерный для барсучьей норы запах сухой травы и лекарственных корней.

— Эй, Барсук! — позвал Медведь, не решаясь заглядывать внутрь. — Это я, Потапыч. У меня к тебе дело.

Сначала из норы показался черный нос, потом маленькие хитрые глазки, а затем и сам Барсук — полосатый, основательный, с седыми прядями на морде.

— О, Потапыч, — проворчал Барсук, — давно не виделись. Ты что, решил навестить старика? И это... у тебя на голове кто сидит?

Зиночка пискнула и помахала здоровым крылом.

— Это моя подруга, — гордо заявил Медведь. — Она поранила крыло о колючку, и я выходил ее в своей берлоге. Но оно до сих пор не летает. Ты же знаешь травы, Барсук. Посоветуй, чем лечить.

Барсук отошел от входа и жестом пригласил их внутрь. В его норе было светло от сухих светлячков в маленьких банках, а на полках вдоль стен лежали пучки трав. Он велел

Медведю снять Птичку с головы и внимательно осмотрел ее крыло.

— Растяжение и небольшая трещина в косточке, — важно заключил Барсук. — Я дам тебе мазь из корня лопуха и сока подорожника. Втирай ей в сустав дважды в день, и через неделю она сможет летать, но сначала пусть тренируется на короткие дистанции.

Медведь бережно принял глиняный горшочек с мазью.

— Сколько я тебе должен, Барсук?

— Глупости, — фыркнул Барсук, пряча усмешку в седых усах. — Ты спас маленькую жизнь. Это дороже любых соковок. Бери так. Если что, я всегда на месте.

Потапыч чуть не прослезился от такой щедрости. Он еще раз поблагодарил старого Барсука и, снова усадив Зиночку на голову, отправился в обратный путь. Теперь у него был план лечения.

Часть пятая. Ритуалы, завтраки и первые уроки

Вернувшись в берлогу, Потапыч сразу же принялся за лечение. Он осторожно, кончиком когтя, брал немного пахучей мази и наносил на больное крылышко Зиночки. Птичка поначалу зажмурилась от холода, но потом привыкла и даже начала мурлыкать от удовольствия.

— Ты очень нежный, — сказала она однажды. — Когда я смотрю на тебя со стороны, ты кажешься страшным великаном, но на самом деле у тебя золотое сердце.

Медведь смущенно рыкнул и отвел глаза. Он никогда не

слышал о себе таких слов.

Прошло несколько дней. Крылышко заживало. И однажды Медведь сказал:

— Давай выйдем на поляну. Ты должна попробовать сделать несколько взмахов. Воздух сейчас теплый, и ветер слабый.

Они вышли из берлоги. Зиночка стояла на мягкой траве, растопылив свои серые крылышки. Ей было страшно. Она не летала уже так долго и боялась, что упадет и опять расшибется.

— Я не могу, — прошептала она.

— Можешь, — сказал Потапыч. — Я буду рядом. Я подставлю тебе свою ладонь, чтобы ты могла сесть на нее, если устанешь.

Зиночка глубоко вздохнула, оттолкнулась от земли и неуверенно взмахнула крыльями. Некоторое время она просто бегала по траве, широко размахивая крыльями, как человек, пытающийся взлететь. Потом один слабый взмах, второй, третий — и она оторвалась от земли! Но радость была недолгой: она быстро стала падать вниз, но Медведь, как и обещал, подставил свою большую ладонь, и Птичка приземлилась на нее, тяжело дыша.

— Получилось! — закричала она. — Я летела целых три метра!

— Я видел, — улыбнулся Медведь. — Это было прекрасно.

Так они стали проводить каждый день на поляне, тренируя крыло. С каждым разом Птичка взлетала все выше и дольше держалась в воздухе. Она кружила вокруг медвежьей головы, садилась ему на нос, щекотала его перышками уши, и Потапыч хохотал своим басовитым смехом, от которого дрожали листья на деревьях.

Часть шестая. Опасность в лесу и смелость Медведя

Однажды, когда они в очередной раз упражнялись на поляне, из зарослей орешника выскочил большой лис. Это был рыжий хищник, худой и голодный. Он увидел, что Медведь сидит на траве, а рядом с ним прыгает маленькая птичка. Глаза лиса загорелись алчным огнем.

— Хорошая добыча, — прошептал он и бесшумно начал подкрадываться.

Потапыч в этот момент отвернулся, чтобы сорвать травинку для игры, и не видел, как лис приближается. Но Зиночка, которая кружила в воздухе, заметила опасность первой. Она громко и пронзительно зачирикала:

— Потапыч! Лис! Внимание!

Медведь резко обернулся и увидел рыжую морду, уже готовую к прыжку. Лис, поняв, что его заметили, решил не упускать шанс и прыгнул на маленькую птичку. Но в тот же миг огромная медвежья лапа прикрыла Птичку собой, словно каменный свод. Лис со всего размаха врезался в медвежью лапу, больно ударился носом и отлетел в сторону. Он взвыл от злости и попытался обойти медведя с другой сто-

роны, но Потапыч встал на задние лапы и грозно зарычал. Рык его был подобен раскату грома. Деревья содрогнулись, и весь лес на мгновение замер.

Лис, увидев перед собой такую грозную стену и услышав такой страшный голос, понял, что у него нет ни единого шанса. Он трусливо поджал хвост и стремглав убежал в чащу, оставив Медведя и Птичку в покое.

— Ты спас меня! — пищала Зиночка, вылезая из-под медвежьей лапы и прыгая на голову своему защитнику. — Он хотел меня съесть, а ты его прогнал!

Медведь, тяжело дыша от пережитого волнения, сел на землю.

— Я же обещал заботиться о тебе, — глухо сказал он. — Никто не посмеет обидеть моего друга.

В этот момент они оба почувствовали, что между ними есть нечто большее, чем случайное знакомство. Они стали настоящей командой, которая защищает и поддерживает друг друга.

Часть седьмая. Осенний лес и тайна ореха

Осень вступила в свои права. Лес окрасился в золотистые, красные и багряные цвета. Воздух стал прохладнее, а ночи длиннее. Медведь, чувствуя приближение зимы, начал готовиться к спячке. Он устилал свою берлогу новым слоем сухих листьев, утеплял стены мхом.

— Зиночка, — сказал он однажды, — скоро я лягу спать. На всю зиму. А ты улетишь в теплые края?

Птичка задумалась. Она жила в этом лесу всю свою жизнь, но никогда не улетала далеко на юг. Она знала, что многие птицы покидают эти места зимой, потому что здесь становится слишком холодно и мало еды. Но оставить Потапыча одного? Ей было грустно даже думать об этом.

— Я не знаю, — тихо ответила она. — Мне не хочется улетать. Но что я буду делать зимой?

Медведь понимал, что она не может остаться. Он начал собирать для нее самые вкусные семена с шишек, самые сладкие ягоды, которые еще оставались на кустах, и складывал их в маленькие тайники возле берлоги. Он хотел, чтобы у нее был запас пищи на первые дни после его отхода ко сну.

В один из таких дней, когда они сидели на пригорке и смотрели на закат, Зиночка спросила:

— Потапыч, тебе не страшно одному в берлоге? Всю зиму спать и ничего не видеть?

— Немного, — честно признался Медведь. — Но когда я думаю о тебе, мне становится спокойнее. Я знаю, что весной ты вернешься, и мы снова будем гулять по полянке, и ты сядешь мне на нос, как сегодня.

Зиночка клюнула его в ухо и засмеялась:

— Обязательно вернусь.

Внезапно с неба сорвалась яркая звезда и упала где-то за лесом. Медведь и Птичка загадали желание. Каждый про себя, но оба — об одном и том же: чтобы их дружба продолжалась всегда, несмотря на расстояния и время года.

Часть восьмая. Прощание и зимние сны

Пришло время расставания. Зиночка чувствовала, что дни становятся короче, а ночи холоднее, и ее маленькое тельце требовало тепла. Она знала, что стоя ее сородичей уже собралась в дальний путь.

Они стояли на краю леса, откуда начиналась дорога на юг. Потапыч был угрюм. Он старался не смотреть на Птичку, чтобы не растрогаться.

— Ты будешь осторожна? — спросил он наконец.

— Буду, — пискнула Зиночка, стараясь говорить бодро. — Я буду искать самых сильных ветров, чтобы быстрее вернуться. А ты спи крепко и не просыпайся, пока не услышишь мою песню.

Она взлетела, сделала круг над его головой, коснулась крылом его теплой макушки и, набрав высоту, полетела на юг, вслед за своей стаей.

Медведь долго смотрел ей вслед, пока маленькая серая точка не растворилась в золотом осеннем небе. Потом он тяжело вздохнул, зашел в берлогу, свернулся калачиком и закрыл глаза. Ему снились поляны, залитые солнцем, и маленькая Птичка, которая щекочет его нос своим пушистым перышком.

Зима была долгой. Снег укутал весь лес белым одеялом, выюги выли между стволами, а Медведь спал и видел добрые сны.

Часть девятая. Весна и новая жизнь

Весна пришла неожиданно. Сначала закапала капель, потом побежали ручьи, а затем из-под снега показалась первая зеленая травка. Медведь почувствовал в своем теле какие-то изменения. Ему стало тепло. Он открыл глаза и прислушался. Где-то далеко-далеко слышались птичьи голоса. Но все они были незнакомые.

Он выбрался из берлоги. Солнце слепило глаза, воздух был напоен влагой и жизнью. Вдруг он услышал знакомый тонкий свист. Он поднял голову. Высоко-высоко в небе летела стая, и одна маленькая серая точка отделилась от нее и камнем понеслась вниз.

— Потапыч! Потапыч! — закричала она, обгоняя ветер.

Это была Зиночка. Она вернулась. Она была по-прежнему маленькой, но в ее глазах светился такой огонь радости, что Медведь чуть не пустил слезу. Птичка спикировала и села прямо ему на нос, клюнула его в переносицу и зачирикала без остановки.

— Ты вырос! — сказала она. — То есть ты стал еще больше! Или просто я забыла, что ты такой большой! Я так соскучилась! На юге было чудесно, но я все время думала о тебе, о нашем лесе, о том, как мы искали червяков и учились летать!

Медведь засмеялся своим густым басом. Ему казалось, что сейчас лопнет грудь от счастья.

— А я, — сказал он, — спал и видел сны. В каждом из них была ты.

Они снова пошли на старую поляну. Трава там еще не успела подняться, но проталины уже зеленели. Медведь сел на свое любимое место, а Зиночка устроилась у него на плече и принялась рассказывать о том, что видела за зиму: о си-нем море, о высоких горах, о городах и полях. Медведь слу-шал, перебирая сухой листик, и улыбался. Ему не нужно бы-ло никуда лететь. Он видел весь мир глазами своей малень-кой подруги.

Часть десятая. Мудрость дружбы

После возвращения Зиночки жизнь Медведя изменилась навсегда. Он больше не сидел один на пригорке, грустно гля-дя на мир. Теперь у него всегда был собеседник, всегда бы-ло дело — помочь Птичке добраться до высокой ветки, где была вкусная личинка, или защитить ее от хитрого кота, ко-торый забрел в лес из соседней деревни.

Но и Птичка изменилась. Она стала смелее. Она больше не боялась ветра и дождя, потому что знала, что в любую непогоду она может укрыться в теплой шерсти своего огром-ного друга.

Однажды вечером они сидели на краю обрыва и наблюда-ли, как солнце опускается за линию горизонта, окрашивая небо в персиковые и малиновые тона.

— Знаешь, Потапыч, — сказала Зиночка, — когда я впер-вые увидела тебя в траве, я подумала: «Это конец». Ты был такой большой, такой страшный. А ты оказался самым доб-рым существом на свете.

— А я, когда увидел тебя маленькую, раненую, думал: «Как я могу помочь?» — ответил Медведь. — И вот, гляди, мы вместе уже целый год. Ты научила меня смотреть на мир иначе. Раньше я видел только свою неуклюжесть и боялся всех. А теперь я вижу красоту в каждой травинке, благодаря тебе.

Птичка засмеялась.

— Но это же ты научил меня быть сильной. Если бы ты не спас меня тогда, я бы сейчас уже не пела. Ты показал мне, что настоящая сила — не в когтях и зубах, а в умении заботиться и быть добрым.

Они замолчали. Вдалеке заухала сова, начали зажигаться первые звезды. Этот лес, который когда-то казался Потапычу одиноким и чужим, теперь стал его настоящим домом. И этот дом был полон жизни, дружбы и тепла. Медведь и Птичка знали, что их ждут еще много-много сезонов, много разных приключений, но самое главное, что было в их жизни — это они сами, их взаимовыручка и любовь.

С тех пор в Тихом Бору часто можно было увидеть такую картину: большой лохматый медведь бредет по лесу, а над его головой порхает маленькая серая птичка. Они собирали ягоды, разговаривали с лесными жителями, помогали тем, кто попал в беду. И все звери в лесу знали, что если кому-то нужна помощь, они могут обратиться к этим двоим. Потому что настоящая дружба — это когда ты готов встать горой за того, кто меньше тебя, и одновременно готов довериться то-

му, кто больше, зная, что тебя никогда не предадут.

И хотя Медведь так и остался большим и неповоротливым, а Птичка — маленькой и хрупкой, вместе они были единым целым, способным справиться с любой бедой. Они научили всех обитателей леса простой истине: неважно, какой ты — сильный или слабый, большой или маленький — важно то, что у тебя внутри, и то, как ты относишься к тем, кто рядом.

Эпилог. Секрет счастья

Прошло несколько лет. Каждую осень Зиночка улетала на юг, а каждую весну возвращалась к своему Медведю. И каждый раз их встреча была наполнена такой радостью, что даже самые хмурые деревья в лесу начинали шелестеть листвой и петь вместе с ними.

Однажды они шли по старой тропе, ведущей к дому Барсука, чтобы угостить старого лекаря медом, который нашел Медведь, и ягодами, которые собрала Птичка. По дороге они встретили маленького зайчонка. Он сидел под кустом и плакал, потому что потерялся.

— Не плачь, — сказала Зиночка, садясь на ветку рядом с ним. — Мы поможем тебе найти дорогу.

— Идите за мной, — прогудел Медведь, — я знаю все тропы. Мы отведем тебя к маме.

Зайчонок удивленно уставился на огромного медведя. Но Птичка шепнула ему:

— Не бойся. Это самый добрый медведь в мире.

Когда зайчонок нашёл свою семью и мама-зайчиха поблагодарила Медведя, Потапыч почувствовал, как его сердце наполняется теплом.

— Видишь, — сказала Зиночка, сидя на его плече, — сколько хороших дел мы сделали просто потому, что мы вместе.

— Да, — ответил Медведь. — И, знаешь, я теперь понимаю: счастье не в том, чтобы быть большим и сильным, или маленьким и быстрым. Счастье — в том, чтобы иметь друга, с которым можно разделить и радость, и беду.

Птичка согласно чирикнула и поцеловала его в макушку.

И они пошли дальше по тропе — большие и маленькие, сильные и хрупкие — два неразлучных друга, которые знали главный секрет жизни: настоящая дружба делает невозможное возможным, а мир — добрее и светлее.

****Конец****

Любопытная дружба: Лев и Лис

Часть первая. Великий и одинокий

В самом сердце дремучего леса, где вековые дубы сплетали свои кроны в зеленый шатер, а солнечные лучи пробивались сквозь листву золотыми стрелами, жил Лев. Его звали Леон. Он был могуч и статен, с густой золотистой гривой, которая переливалась на солнце, словно расплавленное золото. Лапы его были сильными, когти — острыми, а рык — таким глубоким и звучным, что эхо разносилось по всей округе, заставляя мелких зверьков замирать от благоговейного страха.

Леон был царем зверей. По крайней мере, так его называли все обитатели леса. Но, несмотря на свой титул, Лев был глубоко одинок. Он правил своим королевством с достоинством и справедливостью, но никто не решался приблизиться к нему. Зайцы при виде его шарахались в кусты, белки замирали на ветках, а олени сворачивали с тропы, чтобы не пересекаться с грозным владыкой.

— Почему они все убегают? — с горечью думал Леон, прогуливаясь по своей любимой тропе, ведущей к водопаду. — Разве я давал повод думать, что я злой?

Но звери, к сожалению, судили по внешности. Огромные размеры, острые зубы и громкий голос внушали им страх. Они не видели, что внутри у Леона — доброе сердце, что он любит слушать пение птиц и наблюдать за игрой бабочек.

Они видели только хищника.

Каждый вечер Леон взбирался на высокий утес, который нависал над лесом, и смотрел на закат. Солнце окрашивало небо в багряные и золотые тона, и Лев думал о том, каково это — иметь друга. Такого, кто не боится его гривы, кто сядет рядом и будет просто смотреть на облака. Но мечты оставались мечтами. Он был царем, и его удел — одиночество.

Однажды, в одно особенно теплое утро, когда лес звенел птичьими трелями, а воздух был пропитан запахом цветущего вереска, Леон решил исследовать дальнюю часть леса, куда он раньше почти не заходил. Говорили, что там, за болотами, есть поляна, где растут необыкновенные цветы, которые светятся в темноте. Льву стало любопытно, и он отправился в путь.

Часть вторая. Встреча в малиннике

Путь к дальней поляне оказался долгим. Леон пробирался сквозь заросли папоротника, перепрыгивал через ручьи и раздвигал носом колючие кусты. Он шел и шел, пока не вышел на небольшую солнечную опушку, где в изобилии росла дикая малина.

Ягоды были крупными, сочными, и Лев, любивший сладкое, остановился, чтобы полакомиться. Он аккуратно срывал ветки своей огромной лапой и отправлял ягоды в рот, наслаждаясь терпким сладким вкусом.

И вдруг он услышал шорох. Совсем рядом, в самой гуще малинника, кто-то возился. Леон насторожил уши. Он умел

отличать шум ветра от шороха зверя. Это было определенно дыхание и движение маленького существа.

— Выходи! — сказал Лев, стараясь, чтобы его голос звучал не слишком грозно. — Я никому не желаю зла.

Сначала ничего не произошло. Но через мгновение листья малины раздвинулись, и на свет показался самый маленький, самый рыжий и самый испуганный лисенок, которого Леон когда-либо видел. Это был Рыжик. Его шубка была пушистой и огненно-рыжей, на конце хвоста белела кисточка, а глаза — два янтарных огонька — смотрели на Льва с ужасом и любопытством одновременно.

— П-п-пожалуйста, не ешь меня! — пропищал лисенок, прижимая уши к голове. — Я здесь просто искал малину. Я не хотел мешать вашему царскому завтраку!

Леон удивленно моргнул. Он даже не думал о том, чтобы кого-то есть. Он вообще не ел мяса, предпочитая фрукты, ягоды и иногда рыбу из ближайшего озера.

— Есть тебя? — переспросил Лев, и в его голосе послышалась легкая обида. — Зачем мне тебя есть? Ты такой маленький, что от тебя даже сыт не будешь. Садись, если хочешь. Ягод здесь много. Хватит на всех.

Лисенок не поверил своим ушам. Этот огромный Лев, царь леса, предлагает ему разделить завтрак? Он осторожно, делая маленькие шажки, вышел из куста. Рыжик был такой худенький, что казалось, ветер может унести его. Видно было, что он ел нерегулярно и часто голодал.

— Ты что, один живешь? — спросил Леон, заметив, с каким аппетитом лисенок набросился на малину. — Где твоя мама, братья и сестры?

— У меня никого нет, — грустно ответил Рыжик, облизывая лапку. — Моя мама ушла за добычей и не вернулась. Может быть, ее поймал охотник, а может, волки. Я остался совсем один. Живу в норе под старым пнем. Никто со мной не дружит. Все говорят: «Ты маленький и бесполезный».

Льву стало невыразимо жаль лисенка. Он сам знал, каково это — быть отвергнутым, правда, по другим причинам. Перед ним сидел такой же одинокий зверь, только маленький и робкий.

— Знаешь что, Рыжик, — сказал Леон, и его голос стал неожиданно мягким. — А давай дружить? Я буду защищать тебя, а ты будешь... ну, будешь просто быть. Мне кажется, мне не хватает именно такого друга — маленького и смешного.

Рыжик удивленно уставился на Льва. Ему казалось, что он ослышался.

— Дружить? Со мной? Но я же не умею ничего. Я боюсь грозы, я не умею громко рычать, и у меня нет большой гривы.

— Грива у меня есть, — улыбнулся Леон. — А грозы бояться не стыдно. Я, знаешь, тоже не большой любитель грома. Давай так: я приду к твоей норе завтра утром, и мы отправимся исследовать лес вместе. Ты ведь наверняка знаешь

все потайные места?

Глаза Рыжика загорелись. Он действительно знал в лесу все норки, все грибные места и все ягодные поляны. Ведь он был маленьким и шустрым, и ему приходилось прятаться и выживать.

— Знаю! — воскликнул он. — Я знаю, где растут самые сладкие коренья, и где живет старый барсук, который рассказывает сказки!

— Вот и отлично, — кивнул Лев. — Тогда договорились. До встречи!

Они разошлись в разные стороны: Лев — в сторону своего утеса, а Рыжик — в свою нору. Впервые за долгое время оба чувствовали, что их сердца согреты чем-то теплым и светлым.

Часть третья. Первое совместное приключение

На следующее утро Леон проснулся еще до восхода солнца. Он привел в порядок свою гриву, умылся росой и быстрым шагом направился к старому пню, где жил Рыжик. Лисенок уже ждал его. Он сидел на пенке и вертел головой, высматривая своего нового друга.

— Ты пришел! — радостно закричал он, подпрыгивая на месте. — Я боялся, что ты передумаешь!

— Я никогда не отказываюсь от своих слов, — важно ответил Лев. — Куда идем сегодня?

— Я покажу тебе поляну светлячков! — сказал Рыжик. — Но туда надо идти через овраг, там очень узкая тропинка.

Тебе придется идти очень аккуратно.

Они отправились в путь. Леон двигался за своим маленьким проводником, стараясь ступать так, чтобы не наступить на Рыжика. Это было сложно: он был в несколько раз больше лисенка, и каждый его шаг был равен десяти шагам Рыжика. Но Лев проявлял чудеса терпения. Он медленно, переваливаясь, двигался вслед за рыжим хвостом.

Овраг действительно был глубоким. Тропинка вилась по самому краю обрыва. Леон ступал очень осторожно, но однажды его лапа поскользнулась на мокром мху. Земля под ним осыпалась, и он едва не рухнул вниз.

— Держись! — закричал Рыжик. — Ухватись за корень!

Лев успел схватить толстый корень старого дерева, торчащий из склона. Он повис на нем, тяжело дыша. Рыжик, недолго думая, вцепился в его гриву и изо всех сил потянул вверх. Конечно, он был слишком маленьким, чтобы сдвинуть такую громаду, но его поддержка придала Леону сил. Он подтянулся, встал на твердую землю и перевел дух.

— Ты спас меня, — с уважением сказал Лев. — Такой маленький, а такой смелый.

— Я просто не хотел, чтобы ты упал, — скромно ответил Рыжик, отряхиваясь. — Я же твой друг.

Это слово — «друг» — прозвучало для Леона как музыка. Никто никогда не называл его другом. Он почувствовал, как что-то теплое поднимается в груди.

Они перебрались через овраг и наконец вышли на поля-

ну. Это было чудесное место. Поляна была круглой, словно огромная тарелка, и вся она была усеяна маленькими колокольчиками, которые росли прямо из мха. Рыжик сказал, что когда наступают сумерки, эти цветы начинают светиться мягким зеленоватым светом, и вся поляна превращается в звездное небо на земле.

Леон сел на траву, и Рыжик устроился у него между передними лапами.

— Мне здесь нравится, — сказал Лев. — Тихо, спокойно. Никто не боится, никто не убегает.

— А чего тебя бояться? — удивился Рыжик. — Ты же добрый. Ты мог бы съесть меня на завтрак, а вместо этого пришел со мной гулять. Ты самый добрый лев, которого я знаю.

— А ты знаешь еще львов? — улыбнулся Леон.

— Нет, — честно ответил Рыжик. — Но ты у меня первый, и мне кажется, ты лучший.

Они сидели так до самого вечера, разговаривая обо всем на свете. Рыжик рассказывал, как он научился прятаться от волков, как находил еду в самые суровые зимы, и какие смешные истории случались с ним. Леон слушал и смеялся своим басовитым смехом, от которого по поляне разносилось эхо.

Часть четвертая. Лесные уроки

Дни потекли один за другим. Леон и Рыжик стали неразлучными. Каждое утро они встречались на опушке, чтобы

вместе отправиться в новое путешествие. Леон учился у Рыжика различать голоса птиц, находить съедобные грибы и определять погоду по поведению муравьев. Оказалось, что маленький лисенок — кладезь лесной мудрости, приобретенной тяжелым опытом выживания.

— Смотри, Леон, — говорил Рыжик, тыча лапкой в небо. — Если облака собираются в такие кудрявые гроздя, значит, скоро будет дождь. Надо искать укрытие.

— Удивительно, — качал головой Лев. — Я прожил в этом лесу много лет, но никогда не замечал таких мелочей. Ты действительно учишь меня видеть мир.

А Рыжик в свою очередь учился у Леона смелости. Он больше не вздрагивал от каждого шороха. Он понимал, что рядом с ним его самый надежный защитник. Рыжик стал увереннее в себе, начал шутить и даже иногда подтрунивать над своим большим другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.